

⁹ Слово «потолок» (to tegei) введено в текст из Cod. gr. 1213 в соответствии с рекомендацией издателя трактата.

¹⁰ Батюшков Ф. Д. Спор души с телом..., с. 25—91.

¹¹ PG, t. CXXVII, col. 708—878; Les pleurs de Philippe. Ed. par E. Auvray.—Bibl. de l'école des hautes études. Paris, 1875;

Вилинский С. Житие Василия Нового. Одесса, 1913, ч. 1; Aggelide Ch. G. Ho bios tou hosiou Bacileiou tou Neiou. Diatribe epi didaktoria. Ioannina, 1980; Полякова С. В. Византийские легенды. Л., 1972, с. 269—270.

¹² Батюшков Ф. Д. Спор души с телом..., с. 71; Wolff L. Leben und Tod. Die deutsche Literatur des mittelalters Vorfasserlexikon. Berlin—Leipzig, 1937, Bd. 111.

¹³ Повести о споре жизни и смерти. Исследование и подготовка текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964; Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980, с. 184—186.

¹⁴ Mossay J. La mort et l'au—dela dans saint Gregoire de Nazianze. Louvain, 1966, с. VI.

¹⁵ Kajanto J. Classical and christian: Studies in the Latin epitaphs of Medieval and Renaissance. Rome—Helsinki, 1980.

¹⁶ The darker vision of the Renaissance. Beyond the fields of reason. Ed., with introd., by Kinsman R. S.—Berkeley. California, 1974, p. 25—46.

¹⁷ Beck H. G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 376.

¹⁸ Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV—первой половины XV в. М., 1977, с. 81, 92.

А. А. ГАВРЮШЕНКО
Харьковский университет

ИДЕЙНАЯ ПОЗИЦИЯ Ф. МЕЛАНХТОНА В 1518—1520 ГГ.: ГУМАНИСТ ИЛИ ТЕОЛОГ?

Первые десятилетия XVI в. в истории Германии—это период нарастания мощного антифеодального движения, вершиной которого стала первая европейская раннебуржуазная революция 1517—1526 гг. Существенная роль в идеологическом обосновании этого движения с позиций зарождавшейся немецкой буржуазии принадлежит гуманизму, переживавшему в ту пору свой наивысший расцвет.

Одно из почетных мест в блестящей когорте немецких гуманистов первой четверти XVI в. по праву принадлежит видному немецкому гуманисту и деятелю лютеровской Реформации Филиппу Меланхтону (1497—1560 гг.), с именем которого связана попытка синтеза гуманизма и Реформации.

Проблема соотношения двух ведущих направлений формирующейся буржуазной идеологии—гуманистического и реформационного в Германии в последние годы все больше привлекает внимание историков-марксистов. Важный вклад в научную постановку этой проблемы и в решение ряда конкретных вопросов внесли ученые ГДР Л. Штерн и М. Штейнмец¹. В советской историографии, которая обратилась к изучению немецкого гуманизма эпохи Реформации в 60-х гг., те или иные

аспекты взаимодействия гуманизма и Реформации рассматривались М. М. Смирновым, В. М. Володарским и А. Н. Немилковым².

Растущий интерес к этой проблеме продемонстрировала Всесоюзная научная конференция «Проблемы культуры Возрождения и Реформация» (М., 1979)³.

Наряду с постановкой общих вопросов и исследованием истории Реформации и гуманизма в Германии современная марксистская историография внесла значительный вклад в изучение взглядов и деятельности видных представителей этих направлений. Но до настоящего времени исследователей привлекали главным образом либо гуманисты, не принимавшие непосредственного участия в Реформации, либо реформаторы, не разделявшие гуманистских идеалов. Однако история Реформации дает нам немало примеров непосредственного, активного участия гуманистов в реформационном движении. И в этом отношении наиболее показательна деятельность Ф. Меланхтона. В советской историографии и в историографии ГДР он характеризуется как видный гуманист, просветитель, реформатор. Но широко и многопланово Меланхтон в марксистской историографии не изучен⁴. Буржуазные же исследователи, рассматривающие Меланхтона преимущественно с конфессиональных позиций, либо замалчивают, либо искажают гуманистическое наследие и пытаются любыми путями искусственно «теологизировать» его взгляды и деятельность. Так, например, известный западногерманский историк В. Маурер в докладе, приуроченном к 400-летию со дня смерти Меланхтона отмечает, что он не прочь бы поговорить о нем как о лице светском, «но само это слово среди нас под запретом»⁵.

Наиболее рельефно этот тенденциозный подход проявляется по отношению к начальному периоду деятельности Меланхтона в Виттенбергском университете в 1518 — 1520 гг.⁶

В настоящей статье предпринимается попытка выяснить: действительно ли есть основания рассматривать взгляды Меланхтона этого периода как свидетельство теологизации его мировоззрения или же их следует рассматривать как отражение свойственного немецкому гуманизму повышенного интереса к религиозным проблемам, что обуславливалось широким распространением реформационного движения. Тема эта представляет интерес еще и потому, что в марксистской историографии в исследовательском плане она не рассматривалась.

Начало деятельности Меланхтона в Виттенбергском университете в качестве профессора греческого языка относится к августу 1518 г. В это время в результате длительной борьбы со схоластикой, инициаторами которой были М. Лютер и А. Карлштадт, в университете создалась благоприятная обстановка для проведения гуманистической реформы образо-

вания. И учреждение должности преподавателя греческого языка было одним из проявлений начавшихся преобразований.

Несмотря на молодость — Меланхтону исполнился 21 год — он был в то время одним из самых образованных гуманистов Германии. «Я не знаю никого между немцами,— писал И. Рейхлин курфюрсту Фридриху Саксонскому,— кто был бы выше его по образованию, за исключением Эразма Роттердамского, но он голландец»⁷.

Через четыре дня после прибытия в Виттенберг, 29 августа 1518 г., Меланхтон выступает перед студентами и преподавателями университета с речью «О необходимости улучшения обучения юношества». Это была одна из излюбленных тем гуманистов. За несколько десятилетий до Меланхтона с подобными речами выступили Рудольф Агрикола в Гейдельберге и Конрад Целтис в Ингольштадте. Гуманисты считали, что создание подлинно научного образования должно оказать прямое воздействие на обновление культуры.

Эту точку зрения вполне разделял и Меланхтон. «Свою деятельность,— заявлял он в речи,— я намерен направить против варваров, которые кичатся, считая себя учеными, и хотят варварскими средствами воспрепятствовать прогрессу»⁸. Меланхтон рисует своим слушателям картину гибели античного классического образования и становление средневековой культуры, основанной на искаженном до неузнаваемости Аристотеле, что, по его мнению, и привело церковь и общество в упадок: «В одно и то же время истинные науки были обменены на ложные; древняя набожность — на церемонии; человеческие уставы, конституции, декреты, параграфы — на сумасбродство»⁹. Меланхтон резко выступил против схоластов, называя их «неучеными мастерами незнания». Борьба с этими «мастерами», на которых он возлагал основную вину за упадок культуры и образования, являлась центральной темой речи. Меланхтон хорошо понимал сложность миссии гуманистов, стремившихся к обновлению наук: «...для сражения с Гидрой невежества нужен не только Тезей, но и Геркулес. Поэтому равнодушным мое намерение, возможно, покажется слишком мужественным»¹⁰. Но все же он считал вполне реальным «освободить развитие науки от ржавчины, которой она покрылась, и содействовать восстановлению ее в первоначальном блеске»¹¹.

Большое значение Меланхтон придавал общему образованию, которое должно способствовать воспитанию не только грамотного христианина, но и полезного обществу гражданина. «Не сможет отличиться,— говорил он,— ни в божественной, ни в правовой науке, ни в церкви, ни в суде тот, кто до этого не овладел обстоятельно общим образованием»¹².

Постоянные столкновения с католической церковью наложили на немецкий гуманизм свой отпечаток. Чтобы восстановить подлинный смысл античной литературы, Библии и

произведений отцов церкви, искаженный и извращенный католическим духовенством, гуманисты выступили за углубленное изучение латинского, древнегреческого и древнееврейского языков. Вполне солидарен с этими идеями и Меланхтон. В своей речи он неоднократно подчеркивает важность серьезной языковой подготовки. В конце речи Меланхтон обращает внимание на необходимость изучения, наряду с античными, и христианских памятников. Познакомившись с ними, заявлял он, «мы станем понимать Христа. Его заповеди будут тогда для нас ясными, и мы наполнимся благодатным нектаром божественной мудрости... Только тогда откроется блеск и величие слов, и это приведет... истинный и чистый смысл науки к свету»¹³. Это, по сути, единственное «теологическое» место в речи Меланхтона рассматривается рядом буржуазных исследователей как свидетельство «нерасторжимого союза между гуманизмом и Евангелием, который отводил гуманитарным наукам роль вспомогательного средства»¹⁴.

Однако цитируемый отрывок речи Меланхтона не дает никаких оснований для столь категоричного вывода. Непредвзятый же анализ обширной речи в целом ясно показывает, что говорить о каком-либо усвоении или даже просто знакомстве Меланхтона с идеями Лютера, о роли Евангелия в этот период вряд ли возможно. А в результате искусственного смещения акцентов в рассматриваемой речи теряется основная идея Меланхтона, который видел в реформе наук, в первую очередь светских, радикальное средство для улучшения человека и реформирования общественных институтов и церкви. И эта мысль вполне созвучна идеям «христианского гуманизма» Эразма Роттердамского. Следует отметить, что известность Лютера в 1518 г. не шла ни в какое сравнение с известностью и влиянием Эразма — признанного главы европейских гуманистов. Именно последний, по нашему мнению, имел определяющее влияние на формирование взглядов раннего Меланхтона.

Меланхтон не только провозгласил, но и активно стал воплощать свои гуманистические замыслы. Многочисленные свидетельства этого мы находим в его эпистолярном наследии. Так, например, уже в сентябре 1518 г. он сообщал секретарю курфюрста Фридриха Саксонского Г. Спалатину об издании и подготовке к печати произведений Лукиана, Плутарха, Афинского, Платона, своего греческого словаря¹⁵.

Приверженность гуманистической программе, сформулированной в августе 1518 г., Меланхтон последовательно отстаивает и в 1519 г. В январе была опубликована его «Риторика», быстро получившая широкую известность и признание в Германии. «Нет среди настоящих ученых никого, кому бы не угрожала опасность со стороны наглого невежества,— писал Меланхтон в предисловии.— Но под защитой бога истинные науки расцветут и установятся везде заново»¹⁶. Он противопостав-

ляет философии схоластов науки, воспитывающие разум, нравы и чувства и предоставляющие возможность познавать прекрасное. Здесь же он отмечает, как и в речи 1519 г., что упадок этой науки в средние века повлек за собой упадок и церкви, и общества¹⁷. Наряду с Эразмом и Рейхлином Меланхтон ставит в ряды борцов с софистами и схоластами Лютера¹⁸. Причем, интересно отметить, что как по смыслу, так и текстуально у Меланхтона прослеживается большое сходство с подобными положениями в знаменитой сатире гуманистов — «Письмах темных людей».

Подтверждение этой позиции мы находим и в предпосланном «Комментариям к псалмам» Лютера предисловии, написанном Меланхтоном в марте 1519 г. Ясное понимание необходимости борьбы против формы, которую приняла католическая церковь, что созвучно мыслям Лютера, по-прежнему основывается на христианском гуманизме. «Я верю,— писал в предисловии Меланхтон,— что церковь, после того как она почти четыре столетия служила как вавилонская пленница, теперь наконец может до некоторой степени надеяться на христианскую свободу»¹⁹. Он считал, что истинная теология после 400 лет господства схоластики будет, вопреки сопротивлению, призвана на свет главным образом благодаря Эразму, Рейхлину, Капито, Эколампаду, Карлштадту и др.²⁰ Меланхтон не сомневался в тождественности воззрений Эразма и Лютера на вопросы веры. Так, в письме к Г. Спалатину от 13 марта 1519 г. он писал: «Фробен (базельский издатель.— А. Г.) прислал нам книгу Эразма о теологических методах («Краткий путь к истинному богословию».— А. Г.), в которой этот знаменитый человек многократно показывает согласие с Мартином Лютером»²¹.

Необходимо отметить, что неоднократно подчеркнутое Меланхтоном совпадение или близость позиций Лютера и Эразма, а следовательно, и самого Меланхтона в этот период, объясняется в первую очередь тем, что Лютера вплоть до середины 1519 г. еще нельзя рассматривать как окончательно сложившегося реформатора, ибо он боролся лишь с отдельными злоупотреблениями католической церкви, не порывая окончательно с ней. Такой же была позиция Эразма.

Вместе с тем такая постановка вопроса и выше приведенные факты позволяют подвергнуть сомнению утверждение буржуазных историков о том, что уже весной 1519 г. Меланхтон под воздействием Лютера совершил переход на позиции теологии²².

Если не упускать из виду общей перспективы деятельности Меланхтона и учитывать ведущую роль в ней педагогической работы, то можно вполне обоснованно говорить о гуманистической ориентации мировоззрения Меланхтона. Это необходимо подчеркнуть еще и потому, что без учета именно такой после-

довательной гуманистической позиции довольно сложно понять истинную роль произведений Меланхтона второй половины 1519—1520 г., большинство из которых так или иначе связано с вопросами теологии. Рассматривая наследие Меланхтона этих лет, следует также постоянно помнить о том, что гуманистическая реформа феодальной высшей школы в духе требований молодой буржуазии могла быть лишь в том случае успешной, если бы был нанесен решительный удар по теологическим основам схоластики и католической церкви. Ведь в реформационной Германии реализация гуманистами известного лозунга «Ad fontes» шла не только по пути обращения к первоисточникам европейской философии и культуры. «Специфический, богословско-теоретический характер немецкой революции XVI века»²³ обуславливал решительную борьбу с католицизмом. Об отношении Меланхтона к этой борьбе свидетельствуют его отзывы о Лейпцигском диспуте 1519 г.

В истории первого периода раннебуржуазной революции (1517—1521) Лейпцигский диспут явился своеобразным рубежом между фазой теолого-теоретического вызревания основных разногласий с Римом по догматическим вопросам и нарастающим антиримским движением, в становлении которого важную роль сыграли гуманисты.

Борьба на диспуте шла между Лютером и Карлштадтом, как представителями новой теологии, с одной стороны, и известным католическим богословом из Ингольштадта И. Экком — с другой. Лейпцигскому диспуту предшествовала острая литературная полемика, в ходе которой и определились основные вопросы, вынесенные на обсуждение: о свободе воли, о примате папы, о возможности заблуждений церковных соборов, о чистилище, об отпущении грехов и покаянии.

Меланхтон присутствовал на диспуте в качестве наблюдателя, но вместе с тем оказал значительную помощь Лютеру и Карлштадту советами, за что Экк в раздражении назвал его «весьма дерзким» (*multum arrogans*). Так же как Лютер и Экк, Меланхтон хорошо понимал, что поскольку стороны остались на своих точках зрения, то победителя здесь определит общественное мнение. 21 июля 1519 г. Меланхтон в открытом письме к своему другу по Тюбингенскому университету гуманисту и впоследствии реформатору в Базеле И. Эколампаду описал ход диспута²⁴. Несколько днями позже это сообщение было опубликовано в Виттенберге и явилось первым из лавины листовок, обсуждавших события и последствия Лейпцигского диспута²⁵.

28 июля 1519 г. Меланхтон в письме к Спалатину объяснял, что он своим сообщением хотел предварить другие аналогичные сообщения и это ему вполне удалось. Необходимо учитывать, что известность и репутация Меланхтона в среде немецких гуманистов была высокой и послание уже одним своим автор-

ством привлекло, как впоследствии отмечал присутствовавший на диспуте гуманист Эмзер, большое внимание в Эрфурте и Юго-Западной Германии²⁶.

Большинство буржуазных ученых склонны рассматривать открытое письмо Меланхтона как свидетельство его перехода на позиции теологии²⁷. Основным доводом в пользу такого, на наш взгляд необоснованного, вывода служит при этом солидарность Меланхтона с мнением Лютера по ряду кардинальных вопросов диспута. При написании письма Меланхтон старался избегать по возможности каких бы то ни было личных оценок и пытался дать объективную, непредвзятую информацию о диспуте. Он весьма доброжелательно охарактеризовал всех участников диспута. «Мы весьма восхищаемся Экком из-за его разнообразных и выдающихся дарований,— писал Меланхтон своему корреспонденту.— Карлштадта, я думаю, ты знаешь по его произведениям. Он очень добросовестный и образованный человек. В Мартине Лютере, которого я, благодаря дружественным отношениям, уже давно знаю, меня восхищает живой дух, ученость и красноречие»²⁸.

Описывая ход диспута, Меланхтон действительно выражает согласие с Лютером в отрицании непогрешимости пап и соборов²⁹, в признании того, «что не все положения Гуса являются проклятыми»³⁰, т. е. говорит о несправедливости осуждения Яна Гуса собором в Констанце. Но эти выражения солидарности представляют собой не обширные теологические экскурсы, которых следовало бы ожидать от теолога, а краткие замечания, характеризующие скорее гражданскую позицию Меланхтона по вопросам, которые наряду с теологическими имели важное социально-экономическое звучание.

Вполне отчетливо в письме проявляется присущее гуманистам неприятие схоластических методов ведения диспутов. По мнению Меланхтона, участники диспута должны были «ясно показать, как сильно различается древняя, так называемая *Christi theologiam*, и новая, так называемая аристотелевская, теология»³¹. Но поскольку Экк в споре зачастую прибегал к софистическим и схоластическим ухищрениям, Меланхтон его явно осуждает и замечает, что желал бы видеть дискутирующими тех, кто «не честолобиво, но только страстно хочет узнать и понять истину»³². Тем самым Меланхтон создал Экку в широких кругах немецкого общества, и, в особенности в среде гуманистов, репутацию ярого защитника схоластики. Именно это, а не мнимая теологическая эрудиция, по нашему мнению, нанесло по Экку сильный удар. Высказанная Меланхтоном оценка некоторое время спустя нашла более резкое выражение в широко распространенном памфлете «*Eccius demolatus*», который некоторые авторы приписывают В. Пиркгеймеру³³.

Подтверждение тому, что сообщение Меланхтона способст-

вовало дальнейшему сближению гуманистов и реформаторов в борьбе с католическим лагерем, мы находим в письме Экка к генеральному инквизитору в Кельне Я. Гохстратену от 24 июля 1519 г. Основную ошибку своих виттенбергских противников Экк видел в отрицании ими всех церковных учений последних четырех веков. «Нет никакого сомнения,— писал он,— что эти ошибки хочет ввести в церковь большая толпа грамматиков»³⁴. К этой «толпе» он причисляет и перос Reuchlin — племянника Рейхлина, как Экк говорит о Меланхтоне, не называя его имени.

На сторону Лютера после диспута встали гуманисты Нюренберга, Аугсбурга, Страсбурга, Эрфурта, Шлеттштадта, да и самого Лейпцига³⁵. Дело Лютера с их помощью приобрело национальный резонанс, что и было самым важным результатом диспута.

В последовавшей за событиями в Лейпциге литературной полемике Меланхтона и Экка в августе 1519 г. несколько проясняется и собственная позиция Меланхтона в теологических вопросах. Так, например, отцов церкви он лишает обязательного авторитета и признает истинность их утверждений только в том случае, если они согласуются со словами Христа. «Необходимо,— писал Меланхтон,— проверять их изречения по Писанию, а не объяснять их изречения, исходя исключительно из их самих»³⁶. Характерно, что подобные рассуждения Меланхтона основываются на присущем гуманистам рационалистическом подходе. «Так как существует один и именно прямой (т. е. буквальный.— А. Г.) смысл Писания,— утверждает он,— то его следует достигать посредством сопоставления священных книг, руководствуясь при этом разумом»³⁷.

Попытка некоторых буржуазных исследователей рассматривать такое отношение Меланхтона к отцам церкви как свидетельство отхода от христианского гуманизма Эразма³⁸ вряд ли обоснована. Во-первых, потому что этот вопрос не является определяющим для позиции Меланхтона по отношению к христианскому гуманизму. А, во-вторых, Меланхтон, хотя и говорил, что по сравнению с отцами церкви «мы понимаем Св. Писание по-другому», объяснял это индивидуальными особенностями толкования в разные эпохи и никогда не покушался на их заслуги. «Я не хочу,— писал он,— преуменьшать их заслуженное уважение; я почитаю этих знаменитых светочей церкви, этих защитников христианской жизни...»³⁹ Интересно отметить, что ни Эразм, ни Меланхтон не учитывали то обстоятельство, что в произведениях отцов церкви содержится в зародыше вся система католицизма, с представителями которого они боролись. Меланхтон по-прежнему подчеркивает единую направленность деятельности Эразма и Лютера, что можно, например, видеть в послесловии к лютеровским комментариям «Послания галатам»⁴⁰.

Осень и зима 1519 г. не отмечены какими-либо значительными работами Меланхтона — он много сил отдает реформе университета. Но одно произведение все же следует упомянуть. Это тезисы, составленные Меланхтоном для получения звания бакалавра теологии на теологическом факультете. Диспут по тезисам состоялся 19 сентября 1519 г. На нем присутствовал Лютер, который, по мнению некоторых авторов, и явился его инициатором⁴¹. Вскоре после диспута Экк в письме к курфюрсту Фридриху Саксонскому обращает внимание последнего на опасный и еретический характер тезисов Меланхтона⁴².

Все 24 тезиса исследователи делят на две группы: 2—11 и 12—24. Причем ряд авторов обоснованно считает, что первая группа тезисов написана Лютером⁴³. В этой группе дается систематизированное изложение учения Лютера о законе и благодати. Вторая группа тезисов, без всякого сомнения, написана самим Меланхтоном. В этой группе тезисов он отстаивает лютеровское положение о том, что в христианском учении единственным критерием может быть Священное писание⁴⁴. Далее, как и Лютер, Меланхтон не считает ересью «неверие в *character indelebilis*, пресуществление и подобное»⁴⁵. Тем самым Меланхтон покушался на одну из основ католической церкви — институт священства. Буржуазные ученые пытаются на основании содержания тезисов и самого факта получения Меланхтоном теологической степени сделать вывод об изменении идейной позиции Меланхтона. Но, во-первых, некоторые тезисы странно звучат в устах новоявленного «теолога». Меланхтон, например, утверждал в одном из тезисов: «Законы природы являются образцами, в соответствии с которыми должна быть сотворена человеческая душа»⁴⁶. Не менее «теологический» и другой тезис, который обычно замалчивают буржуазные историки: «Интеллект не может согласиться ни с какими положениями вне разума и опыта»⁴⁷. Во-вторых, объясняя факт получения Меланхтоном теологической степени, следует учитывать и житейскую, материальную сторону дела. Ведь известно, что преподаватель теологического факультета имел содержание в два раза выше, чем преподаватель артистического. С получением степени Меланхтон получил и вполне приличное жалование — 100 флоринов в год⁴⁸.

Лютер оценил тезисы как «в высшей степени смелые, но весьма верные»⁴⁹. В целом же о тезисах можно сказать, что они не отражают принципиальных изменений в гуманистической позиции Меланхтона. Скорее они демонстрируют его знакомство и согласие, обусловленные в первую очередь объективными, а не личными причинами, с целым рядом положений Лютера, которыми он владел как средством борьбы с католическим вероучением.

Следует подчеркнуть, что внешняя идентичность отдельных положений Меланхтона и Лютера без анализа причин этой схо-

жести послужила на определенном этапе изучения Меланхтона основой буржуазным историкам для создания метода оценки взглядов последнего «по Лютеру». Эта тенденция до сих пор еще достаточно влиятельна. И в значительной степени питает эту тенденцию факт глубоко дружественных отношений Меланхтона и Лютера. «Во всем моем ученом окружении,— писал Лютер Спалатину 15 августа 1519 г.,— ничего я не ценю выше, чем совет Филиппа...»⁵⁰

1520 г. был решающим для распространения учения Лютера. Реформация начинает вступать в широкую связь с внутригородским народным движением. Нунций Алеандр летом 1520 г. сообщал, что у папы в Германии очень мало друзей. «Девять десятых,— писал он,— кричат «Лютер», а кто не интересуется его трудами, все равно кричит «Смерть римской курии!»⁵¹

Меланхтон не стоял в стороне от политических событий этого времени. В январе 1520 г. он произносит в университете речь «*De clamatione in Divi Pauli doctrinam*», которая с дальним прицелом посвящается советнику молодого императора И. Бруннеру⁵². Виттенбергцы хотя и знакомят Карла V с новой теологией. Схоластических противников Меланхтон отвергает теперь не только как врагов науки; они отождествляются в его представлении с врагами отечества. В деятельности Экка, всецело занятого борьбой с идеями Лютера, он усматривает опасность для свободы Германии. В своем «Воззвании к Германии против Экка» Меланхтон призывал немцев к защите свободы, которой угрожает опасность из-за буллы Рима против Лютера⁵³. Меланхтон с оптимизмом воспринимает поездку Гуттена к брату Карла V эрцгерцогу Фердинанду, предпринятую с целью склонить его к освобождению Германии от римского владычества. «Гуттен отправился к Фердинанду,— писал Меланхтон,— чтобы пробить дорогу свободе при помощи великих князей»⁵⁴.

Несмотря на старания Рейхлина оторвать Меланхтона от Лютера и перевести в Ингольштадт, где он в это время преподавал, квартируя в доме Экка, Меланхтон ответил отказом. «В Саксонии я что-то утратил от своего благополучия,— писал он,— но я не хочу в этом раскаиваться... Я служу не подневольно»⁵⁵.

Деятельность Меланхтона, направленная на реформу университета, приносила ощутимые плоды. В 1520 г. по числу имматрикулированных (579 человек) Виттенбергский университет оставил позади старейшие немецкие университеты. Существенной причиной такого наплыва студентов в молодой университет была преподавательская деятельность Меланхтона как гуманиста и Лютера как теолога нового типа. К началу зимнего семестра 1520/21 учеб. г. у Меланхтона было 600 слушателей, у Лютера — 400⁵⁶.

В 1520 г. Лютер создал крупные программные произведения,

чем вызвал дальнейший рост интереса к своему учению. В ряду интересов Меланхтона теология и после получения им степени бакалавра по-прежнему занимала подчиненное место. В одном из писем к Спалатину Меланхтон отмечал: «Ты знаешь, какие обстоятельства побудили меня читать богословские лекции. Я начал читать единственно для того, чтобы удовлетворить как *Vassalaugens biblicus*, принятому обычаю, нисколько не предчувствуя того, что позже должно было случиться. Я не окончил еще моих чтений, как доктор Мартин поехал в Вормс, а так как он оттуда не возвратился, то я не мог бросить чтение этих лекций. Таким-то образом случилось, что мне пришлось два года с лишним оставаться прикованному к этому утесу... Но все-таки мне хотелось бы быть свободным от чтения богословских лекций»⁵⁷. Кроме лекций, в августе 1520 г. Меланхтон подготовил для учебных целей тезисы, в которых изложил ряд положений учения Лютера, начиная с того, что «основой оправдания является вера»⁵⁸. На первый взгляд, с гуманистическими воззрениями Меланхтона трудно согласовать его критику Аристотеля, которая в 1520 г. под влиянием Лютера и в связи с бурным антиримским движением, приобрела более широкий характер по сравнению с 1518 г. Однако следует учитывать, что Меланхтон выступал не против античного Аристотеля, труды которого он собирался издавать весной 1518 г., а против Аристотеля феодального, искаженного до неузнаваемости схоластами. «Идея блаженства,— писал Меланхтон,— как она придумана Аристотелем, находится в противоречии не только с христианским учением, но и со здравым человеческим разумом»⁵⁹.

На наш взгляд, трудно согласиться с некоторыми буржуазными историками, которые видят в этих, несомненно лютеровских по содержанию, тезисах самостоятельное произведение Меланхтона. Сомнительным этот вывод кажется по двум причинам: во-первых, в тезисах мы находим очень близкое текстуальное сходство с аналогичными положениями Лютера, а, во-вторых, в наследии Меланхтона мы не обнаруживаем какого-либо предварительного развития этих идей. Произведения, вышедшие из-под пера Меланхтона в первой половине 1520 г.— учебники диалектики и греческого языка— никак не могут служить основой этим тезисам. Очевидно, учитывая специфический, а именно учебный характер тезисов, их следует рассматривать как выражение стремления Меланхтона познакомить студентов с идеями Лютера, к которым студенчество проявляло большой интерес.

Сложность в установлении действительного места и роли произведений Меланхтона, связанных с вопросами теологии в его деятельности 1518—1520 гг., обусловлена прежде всего тем, что исследователь не имеет для данного периода материала, широко характеризующего гуманистические взгляды Меланхтона. Поэтому будет уместно сказать несколько слов о понима-

нии Меланхтоном проблемы соотношения философии и теологии.

«Я хорошо знаю,— писал Меланхтон,— что наука философии совсем не то, что теология, и поскольку их ни в коем случае нельзя смешивать, как это делает повар в супе, то теолог должен иметь метод, которому он может научиться только у философии»⁶⁰. Можно сказать, что Меланхтон близко подходит к мысли о том, что наука (под философией он чаще всего подразумевал широкое общее образование в духе гуманистов) может существовать без теологии, в то время как теология без науки—нет: «Кто берется за богословские науки без помощи других искусств и наук (т. е. светских.— А. Г.), тот уподобляется стремящемуся полетать без крыльев»⁶¹.

Меланхтон никогда радикально не противопоставлял философию и теологию, но то, что теологии он отводил зависимую от философии роль, факт весьма знаменательный и свидетельствующий об основательности гуманистической платформы Меланхтона, несмотря на последующие религиозные напластования.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет поставить под сомнение широко распространенное в буржуазной историографии мнение о якобы тотальной теологизации мировоззрения Меланхтона в 1518—1520 гг. На наш взгляд, в первые годы работы в Виттенбергском университете Меланхтон сближается с Лютером, усваивает отдельные аспекты его учения, поддерживает реформатора в его борьбе со схоластической теологией. Но гуманистическая позиция Меланхтона, нашедшая отражение во вступительной речи 1518 г., в последующие два года не претерпела существенных изменений. Его же борьба с идеологами католицизма—схоластами—в рассматриваемый период представляла собой не ревизию его гуманистической платформы, а реализацию проекта реформы образования в специфических условиях раннебуржуазной революции в Германии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Stern L. Martin Luther und Phillipp Melanchton — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin, 193; Steinmetz M. Die Universität Wittenberg und Humanismus (1502—1521) — In: 450 Jahre Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg. Wittenberg, 1952, Bd. 1, S. 103—140; Steinmetz M. Humanizm i reformacja — niemiecki renesans.— Odrodzenie i reformacja w Polsce, 1976, t. 21, s. 29—40.

² Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978; Володарский В. М. Гуманистические воззрения Ульриха фон Гуттена.— СВ, 1963, вып. 24, с. 160—184; Немилев А. Н. Виллибальд Пяркегеймер и его место среди немецких гуманистов начала XVI в.— СВ, 1965, вып. 28, с. 140—157.

³ Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981.

⁴ Высокая оценка исторических заслуг Меланхтона содержится в изданном в ГДР к 400-летию со дня его смерти сборнике: Philipp Melancthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. Berlin, 1963. К сожалению, после юбилея в ГДР не появилось ни одной работы о Меланхтоне. В советской историографии о нем вообще нет ни одного специального исследования.

⁵ Maurer W. Melancthon — Studien. Gütersloh, 1964, S. 9.

⁶ Sperl. A. Melancthon zwischen Humanismus und Reformation. München, 1959; Bizer E. Theologie der Verheißung. Studien zur theologischen Entwicklung des jungen Melancthon (1519—1524). Neukirchen — Vluyn, 1964; Brüls A. Die Entwicklung der Gotteslehre beim jungen Melancthon. 1518—1535. Bielefeld, 1975.

⁷ Melancthonis Philippi Opera quae supersunt omnia. Halis Saxonum, 1834, vol. I (GR, I, 34).

⁸ Melancthon Ph. De corrigendis adolescentiae studiis.— In: Philippus Melancthon. Declamationes. Berlin, 1891, S. 13.

⁹ Ibid., S. 17.

¹⁰ Ibid., S. 14.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., S. 23.

¹³ Ibid., S. 26.

¹⁴ Hartfelder K. Philipp Melancthon als Praeceptor Germaniae. Berlin, 1889, S. 66.

¹⁵ CR, I, 44.

¹⁶ CR, I, 63.

¹⁷ CR, I, 62—63.

¹⁸ CR, I, 63.

¹⁹ CR, I, 71.

²⁰ CR, I, 71—72.

²¹ CR, I, 75.

²² См., напр.: Neusser W. Ansatz der Theologie Philipp Melancthon. Neukirchen, 1957, S. 134.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд., т. 18, с. 572.

²⁴ Melancthon's Werke in Auswahl. Hsg. von R. Stupperich. Gütersloh, 1951, Bd. 1, S. 4—11.

²⁵ См., напр.: Clemen O. Literarische Nachspiele zur Leipziger Disputation.— Beiträge zur sächsische Kirchengeschichte. Leipzig, 1896—1897, Beih. 11—12, S. 56—83.

²⁶ Maurer W. Der junge Melancthon. Göttingen, 1969, Bd. 2, S. 64.

²⁷ Ibid., S. 101; Lortz J., Iserloh E. Kleine Reformationsgeschichte. Freiburg im Br., 1969, S. 64.

²⁸ Melancthon's Werke..., S. 11.

²⁹ Ibid., S. 7, 9.

³⁰ Ibid., S. 8.

³¹ Ibid., S. 5.

³² Ibid., S. 10.

³³ См. об этом: Немилев А. Н. Виллибальд Пиркгеймер..., с. 143.

³⁴ Die Reformation in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1967, S. 86.

³⁵ Boehmer H. Der junge Luther. Leipzig, 1951, S. 239.

³⁶ CR, I, 115.

³⁷ CR, I, 113.

³⁸ См., напр.: Maurer W. Der junge Melancthon, S. 60.

³⁹ CR, I, 115.

⁴⁰ CR, I, 124—125.

⁴¹ Ellinger G. Philipp Melancthon. Berlin, 1902, S. 111.

⁴² WA, Br. I, S. 492.

⁴³ Maurer W. Der junge Melancthon, S. 102.

⁴⁴ Melancthon's Werke..., S. 44.

⁴⁵ Ibid., S. 25.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., S. 24.

⁴⁸ Matthes K. Philipp Melanchthon. Altenburg, 1846, S. 39.

⁴⁹ WA, Br. I, S. 514.

⁵⁰ Цит. по: Maurer W. Der junge Melanchthon, S. 62.

⁵¹ Цит. по: Stupperich R. Die Reformation in Deutschland. München, 1972, S. 40.

⁵² CR, I, 135—137; Melanchthons Werke..., S. 28—43.

⁵³ Supplementa Melanchthoniana. Leipzig, 1926, Abt. 6, Bd. 1, S. 115—116.

⁵⁴ CR, I, 201.

⁵⁵ CR, I, 151.

⁵⁶ Geschichte der Martin-Luther-Universität. Halle — Wittenberg, 1977, S. 17.

⁵⁷ CR, I, 606.

⁵⁸ CR, I, 126.

⁵⁹ CR, I, 127.

⁶⁰ CR, I, XI, 282.

⁶¹ CR, I, 594.

Т. Н. ВЫСОТСКАЯ

Отдел археологии Крыма Института археологии АН УССР

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО ГОРОДИЩА

Усть-Альминское городище в скифском государстве в Крыму было одним из важнейших стратегических пунктов. Расположенное при впадении Альмы в море, самое большое из приморских скифских поселений, второе по величине после Неаполя (в настоящее время его площадь 6 га), оно возникло в конце II в. до н. э. и просуществовало до III в. н. э. как форпост на западной границе Крымской Скифии и сыграло важную роль в охране государства.

Как один из крупных торговых центров скифского государства городище жило особенно интенсивно в первые века нашей эры. Население выращивало пшеницу для собственных нужд и продажи, занималось скотоводством, виноградарством, рыболовством, ремеслами. Мимо городища проходил морской путь из Херсонеса в Керкинитиду и Ольвию. Вероятно, в устье Альмы в древности был причал для греческих галер, привозивших местному населению вино и масло в амфорах, столовую посуду, украшения, ткани и другие товары.

Основное население городища — скифы — подверглись влиянию греков, а позднее — сарматов. Однако скифская культура сохранила свою самобытность, о чем можно судить по материалам Усть-Альминского городища и могильника: скифской керамике, дромосам склепов, подбойным и грунтовыми могилами, забитым камнями, обряду погребений, костюму, генетически связанным со скифскими традициями предшествующего периода и т. д.

Несмотря на значительные энтокультурные влияния скифы